

Ирина Владимировна Щеглова
Мечта идеальной девчонки
Серия «Только для девчонок»

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163372
Мечта идеальной девчонки: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-24858-2

Аннотация

Свидания? Тусовки с друзьями? Прикольное хобби? Все это не для нее. Кажется, у Леры нет никакой надежды доказать свою самостоятельность, мама с папой упорно считают ее ребенком. Но вдруг происходит чудо: родители отпускают Леру в гости к тете, в Москву. Целая неделя свободы в чужом, незнакомом городе!

Выставки, пафосные кафе, поездки за город, дискотеки... И море новых знакомств. Совсем непросто разобраться, как вести себя в этих продвинутых компаниях и... с каким парнем лучше закрутить роман?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Щеглова

Мечта идеальной девчонки

Глава 1

Железная дверь

Когда я вернулась из школы, она уже была. Я столкнулась с ней нос к носу. Новенькая, выкрашенная черной краской железная дверь встретила меня матовой неприступностью.

«Ну прямо сейф!» – подумала я. И усмехнулась, представив, что мы теперь всей семьей будем жить в сейфе с таким сложным и многоступенчатым замком: клик-клак, колесико вправо, потом еще раз, но уже влево до щелчка, потом ручкой вверх-вниз...

Ключа у меня, конечно, не было. Я нажала на кнопку звонка и прислушалась.

Железная дверь вздрогнула, заскрежетала, лязгнула и распахнулась. На пороге стоял с торжественным видом папа.

– Привет, – сказала я.

И сразу же услышала мамин голос:

– Слава, кто пришел? Лера? Дай ей ключи!

Ну вот! Все дома! А я-то надеялась...

Конечно, такое событие! Рабочие приходили, устроили грохот на весь подъезд. Носили, вымеряли, устанавливали дверь. Как же мама пропустит такое развлечение. Небось с работы отпросилась... Пропал день!

Улыбающийся папа протянул мне связку ключей, я взяла их, не глядя, и хотела было пройти в квартиру.

– погоди-ка, – остановил меня папа, – сейчас я покажу тебе, как работают замки. Вот, смотри сюда. – Он отобрал у меня ключи и склонился к замочной скважине.

– Этот длинный ключ вставляем сюда, видишь, тут такие бороздки, надо, чтоб они совпадали...

– Пап, ну я сама разберусь, ладно?

Он выпрямился и недовольно посмотрел на меня:

– Валерия, ты же знаешь, я не люблю, когда меня перебивают.

Рюкзак резал мне плечи. Я стояла у злополучной двери, переминалась с ноги на ногу и молчала.

Отец покачал головой и снова склонился к замку:

– Так вот, – увлеченно продолжал он, – эти бороздки должны совпасть... Лера, ты меня слушаешь или нет?

– Не слушаю, – обиженно буркнула я. Нашел время показывать тайные запоры! Хоть бы дали человеку в дом войти! Может, я в туалет хочу!

– Я не понимаю, – обиделся папа. Он всегда обижается, если я не хочу его слушать. Но он, порой, бывает просто невыносим со своими объяснениями! Как начнет разглагольствовать, в такие дебри забирается, просто мозги пухнут! А дело-то какое-нибудь совсем простое, известное даже младенцу. А мне уже почти шестнадцать!

– В чем дело? – из-за его спины появилось озабоченное мамино лицо. Оно у нее всегда озабоченное. Непонятно почему.

– Я хотел объяснить, как открывается этот замок, – начал папа.

– Можно, я уже в квартиру зайду? – не выдержала я.

– Что?! – всполошилась мама, – зайдешь? А замок? А ключи? Тебе трудно выслушать отца?!

– Мне не трудно, – вздохнула я, потому что поняла: зря с ними связалась, сейчас начнется неизбежный семейный скандалчик с мамой в главной роли и со мной в роли козла отпущения, то есть козы...

В глубине коридора показалась испуганная бабушка. Она прислушалась, заохала и, по обыкновению, быстренько исчезла в своей комнате.

– Лера! О чем ты думаешь!? – взвилась мама. Она заводится сразу, с половины оборота. Ей много не надо. Повод может быть любой, даже самый ничтожный. Ба-бах! И мама уже кричит так, что звенят оконные стекла, бабушка хватается за сердце, кошка прячется под диван, папа нервно вышагивает по коридору, а виновата всегда я. Только я, и больше никто.

– Смотри на меня! – кричала мама, – не отворачивайся! Что ты в пол уставишься? Ты видишь, мы полдня с этой дверью провозились! А тебе все равно, да?! Тебе наплевать!?

– Нет, – чуть слышно ответила я.

– Что?!

– Нет, не наплевать...

Они гремели ключами, скрежетали новой дверью, орали на меня, стараясь перекрыть друг друга. А я все еще стояла на лестничной площадке и лямки рюкзака резали мне плечи.

Бабушка выглянула в коридор и, дождавшись короткой паузы, попросила:

– Слава, Вика, зайдите в квартиру, не позорьтесь перед соседями.

Мама как раз набрала побольше воздуха в легкие, чтоб с новой силой обрушиться на меня, но напоминание о соседях мгновенно ее отрезвило. Она закрыла рот, поджала губы, схватила меня за локоть и втащила в квартиру. Папа закрыл дверь. Он бросил ключи на полку для обуви и молча ушел в комнату.

– Видишь! До чего ты всех довела?! Видишь! – снова закричала мама.

– Я никого не доводила.

– Не пререкался с матерью!

Мне, наконец, удалось стянуть с себя набитый рюкзак. Я бросила его на пол и облегченно вздохнула.

– Ты почему вещи разбрасываешь!? – мать всплеснула руками и даже подпрыгнула от возмущения.

– Мама, я не разбрасываю, просто он тяжелый и...

Мне хотелось помириться, чтоб все затихли и успокоились. Не тут-то было. Мама вдруг впилась в меня глазами и придвинулась поближе:

– Что? Что это такое?!

Я на всякий случай отступила назад и уперлась спиной в вешалку.

– Слава! – пронеслось по квартире.

Одновременно из разных комнат выглянули папа и бабушка.

– Ну что еще случилась? – сумрачно отозвался отец.

– Ты посмотри на нее! – мама задыхалась от возмущения. Она резко подскочила ко мне, схватила за голову и развернула лицом к отцу.

– Не понимаю... – растерялся он.

– Да ведь она брови выщипала!

Папа нахмурился.

Я вывернулась из маминых рук и стала разуваться.

– Ты зачем это сделала? – мать грозно надвинулась и остановилась передо мной. Руки скрещены на груди, глаза мечут молнии.

Я промолчала, только ниже опустила голову.

– Отвечай матери!

– Ни за чем, – я выпрямилась, посмотрела с вызовом. На сегодня с меня хватит! Достаточно железной двери.

– Ах ты, бессовестная! – Мама задохнулась и, уже не помня себя, подняла руку.

– Вика! – воскликнула бабушка.

Мать покачнулась, опустила руку и, рыдая, убежала в комнату.

Все. На сегодня концерт окончен. До вечера она будет дуться, пить валерьянку и страдать так, чтоб все видели. Завтра мы помиримся, а через день поссоримся снова.

Бабушка поманила меня пальцем, я тихонько скользнула к ней в комнату.

Я их люблю. Конечно, как же иначе. Как можно не любить своих родителей? Я люблю нервную, озабоченную маму, со всеми ее страхами, придирками и требованиями; и папу, который вечно настаивает, чтоб его непременно выслушивали до конца; и хлопотливую бабушку, присматривающую за мной, когда мамы нет рядом.

Я готова за них жизнь отдать! Но жить с ними невыносимо! И с каждым днем все невыносимее.

Бабушка еще ничего. Она меня частенько «покрывает», по словам моей мамы. Хотя, что покрывать-то? До четырнадцати лет я ходила в школу только в сопровождении кого-нибудь из взрослых. Потом просто взбунтовалась, с мамой случилась истерика, но своего я добилась. Теперь хожу одна. И ладно еще, если бы школа была далеко, так ведь нет, под самым боком, можно сказать, во дворе нашего дома. Но все остальное время я должна быть на глазах.

Так как мама работает, то она не может все время держать меня под контролем. Остается бабушка. Она должна отчитываться перед мамой обо всех моих перемещениях, о том, когда я прихожу из школы, контролировать, чтоб я нигде не задерживалась, а если задержалась, то я непременно должна позвонить и сообщить, где и с кем.

Я стараюсь не подводить бабушку. Да и ходить мне особенно некуда. Моих подруг мама на дух не переносит, говорит, что все они идиотки. Как так может быть, чтоб все были идиотками? Из-за мамы ко мне никто не ходит, а меня ни к кому не пускают. Раньше я дружила с одной девочкой из нашего класса. Она нравилась маме, потому что у нее была «приличная семья» и сама она тоже была «хорошей девочкой». Но потом мы с ней разошлись. Мы не ссорились. Просто ей, в отличие от меня, родители разрешали гулять с друзьями, ходить в кино, общаться с мальчиками. Яркая, даже красивая, она постоянно находилась в окружении поклонников. На ее фоне я словно ушла в глубокую тень. Все, что она предлагала сделать, мне было недоступно. Так постепенно мы и перестали дружить. То есть мы продолжали общаться в школе, но чаще всего наше общение сводилось к простому «привет-привет». А совсем недавно я неожиданно сблизилась с другой девочкой – Аней. Она старше меня, и если бы мама узнала о ней, то ни в коем случае не одобрила бы такой дружбы. Так что Аню приходилось скрывать от всех, даже от бабушки, чтоб она не проговорилась. Аня жила в нашем доме, училась в колледже и уже подрабатывала. Маму страшно раздражают Анины родители. Она частенько говорит о том, что «от девочки толку не будет в такой семье», «яблочко от яблони...», и все в том же духе. Анина мама называется «предпринимателем» и работает на рынке. Отец тоже где-то работает, и еще: его часто видят пьяным. В свои неполные семнадцать лет Аня в основном предоставлена самой себе. При этом их семья считается обеспеченной. Ане купили компьютер, она всегда модно и дорого одевается. Как и ее мать. У них есть иномарка. Я не знаю, что больше всего раздражает мою маму: рынок, пьянство отца, или иномарка. Наверное, все вместе. В разговоре с бабушкой мама называет родителей Ани жлобами, куркулями, алкоголиками. Понятно, при таком отношении я даже не могу заикнуться, что знакома с Аней.

Но иногда мне удается поболтать с ней. Чаще всего – днем, когда ни ее, ни моих родителей нет дома. Я отпрашиваюсь у бабушки на часок и бегу к своей единственной приятельнице. О чем мы говорим? Да, в основном, я вздохну жалуюсь на родителей, а она слушает и сочувствует.

При этом я страшно рискую. Меня могут разоблачить в любой момент. Поэтому, когда я прибегаю к Ане, в дверь сразу не звоню, а прислушиваюсь, не идет ли кто-нибудь из соседей по лестнице. Когда выхожу от нее, смотрю в глазок.

Аня не обижается. Она все понимает.

Нас сложно назвать подругами. У каждой своя жизнь, к тому же у Ани не так уж много свободного времени, и все-таки, если б не она, мне было бы совсем невыносимо.

В компьютерах я совершенно не разбираюсь. У некоторых моих одноклассников они есть дома, другие постоянно зависают в Интернет-кафе. На что у меня никогда нет денег. А если бы я попросила, мама ни за что не дала бы. Потому что «там непонятно кто собирается». К тому же, по твердому убеждению мамы, компьютерные игры наносят страшный вред психике.

Конечно, в школе нам преподают информатику, и мы занимаемся раз в неделю в компьютерном классе, где на всех всего пять машин. Так что, в основном, мои знания о компьютерах были чисто теоретическими.

О покупке я и не заикаюсь, и не мечтаю. Какой компьютер! Мне даже телевизор не разрешают смотреть!

Что самое смешное: мама постоянно спрашивает, почему это я ничем не интересуюсь. Попробовала бы я!

Когда я была маленькая, то очень любила ходить с папой в походы. Мы брали палатку, спальные мешки, грузили в рюкзаки всякие продукты, фонарики и другое снаряжение. Точнее, грузил папа в свой рюкзак, от меня толку было мало. Мы собирались и уезжали на несколько дней в какие-нибудь дикие, красивые места. Я так радовалась этим походам! Вдвоем с папой или с его друзьями было тихо, спокойно. По вечерам костер, люди песни поют, разговаривают. Мама никогда не ходила в походы. А без нее нам было чудесно!

Но потом как-то так получилось... В общем, я стала старше, отношения у меня с папой испортились. Может, из-за того, что он продолжал относиться ко мне, как к ребенку. Не знаю. Но мне стало неинтересно. В сотысячный раз выслушивать, как устроен фонарик или как надо правильно разводить костер в сырую погоду... Увольте! Он не понимал и обижался, а я злилась. Дома злилась и кричала мама, потому что она отпускала меня неизвестно куда, то есть я была не на глазах. Каждые сборы – стресс. Крик, шум, слезы. И я подумала: ну их, эти походы. И с ними плохо, и без них, но без них крика меньше.

Теперь, когда папа в походах, мы дома, или на даче у другой моей бабушки. И что бы я ни делала, мама все время следит за мной. Неотступно.

«Лерочка, иди чайку попьем... ну, что ты вся скукожилась, выпрямись! Не ставь локти на стол! Что ты глаза пучишь?! Отодвинься, невозможно же пройти! Убери ноги!» И напоследок, измучившись: «Иди ты отсюда, ради бога!».

Если я так ее раздражаю, зачем она следит за мной? Зачем ходит по пятам, не давая ни минуты покоя? Я только и слышу: «не так!», «оставь!», «неправильно!».

Когда-то я очень любила животных. Родители купили мне двух морских свинок. Они очень забавные, лохматые, полосатые, их еще называют черепаховыми, они так смешно кричат и узнают нас не хуже нашей кошки Ульяны. Я так обрадовалась свинкам, когда впервые увидела их, даже разрыдалась от восторга. Мне хотелось кормить их, ухаживать за ними, смотреть, как они играют, как спят. Первое время я не отходила от клетки.

Ложилась рядом и смотрела на чудных зверьков до тех пор, пока мама, выведенная из себя тем, что «ребенок лежит на полу и собирает пыль!», не бросалась и не оттаскивала меня от моих любимцев. А потом началось бесконечное: «не мешай им!», «ты что, не видишь, ты их пугаешь!», «прекрати кормить!», «не так... не правильно... отойди, не крутись...». Я охладела к свинкам. Просто перестала их замечать.

Теперь они на попечении бабушки, как и Ульянка, как и вся наша квартира.

Раньше я могла плакать, даже рыдать, биться в истерике. Но теперь я просто молчу.

«Ты посмотри на нее, забьется в угол и сидит!» – возмущалась мама по телефону, жалуясь на меня тете Жене. А мне так проще. Ничего не делаю, и спроса с меня никакого.

Женя – папина родная сестра. Вообще-то, она мне приходится тетей. Она живет в Москве.

Раньше она жила с нами, но я этого уже не помню, она уехала, когда я была совсем маленькая.

Мама часто звонит ей, когда хочет пожаловаться. Жалуется чаще всего на меня.

Женя – наш третейский судья. Бабушка тоже потихоньку рассказывает ей о наших проблемах. Они ждут от Жени ответов. Наверное, она что-то им советует. Но мне от этого не легче.

Женя часто приезжает к нам. Но, я же понимаю, больше всего ее волнует бабушка. Иногда она пытается заговорить со мной, что-то спрашивает. Я вежливо отвечаю, или не отвечаю вовсе. Очень мне нужны ее разговоры! Вполне достаточно родителей с их бесконечными придирками.

К тому же я немного ее стесняюсь и совершенно не понимаю, чего она от меня хочет. Так и общаемся, как будто отбываем повинность.

При ней мама сдерживается, и дома устанавливается временное перемирие. Бабушка перестает прятаться в своей комнате, папа выныривает из своих бесчисленных командировок и походов. Меня перестают замечать. Можно тихо сидеть в углу дивана и думать. Из дома все равно не выпускают.

Если у Жени есть время, и она задерживается на несколько дней, мама тащит ее по магазинам.

Мама и покупка вещей – это вообще песни со сказками! Мне иногда кажется, если бы не Женя, мы бы все голые ходили.

Мама не может покупать одежду или обувь сама. Ей нужен постоянный советчик. А еще она просто повернута на приличиях: «Женя, посмотри, это прилично, как ты думаешь?» «Женя, какого цвета пальто покупать?». «Жена, сходи, пожалуйста, с Лерой в магазин, купи ей юбку, я совершенно измучилась!».

Женя закатывает глаза, и мы идем по магазинам.

Помню, как мы покупали одну злосчастную юбку. Это было пару лет назад. Я посмела заикнуться о той юбке, которую хотела, но мать, естественно, ответила категорическим отказом: «слишком короткая!».

Все. Я замолчала. Мы уныло бродили по магазинам, я послушно мерила какие-то жуткие мешки и беззвучно плакала. Мать не выдержала и отвела меня домой.

Дома она устроила мне разнос за то, что я такая капризная и сама не знаю, чего хочу. А я заявила, что больше никогда не пойду в магазин!

Но приехала Женя, выслушала маму, посмотрела на меня, и мы отправились.

– Покажи мне юбку, которую ты хочешь, – попросила Женя.

Я глянула на нее искоса: «стоит ли?». Но она настаивала. Я показала.

– Маме она не понравилась? – спросила Женя.

Я качнула головой.

Тогда Женя понимающе кивнула и спокойно объяснила мне, почему эта юбка не нравится маме.

– Мы можем ее купить прямо сейчас, – сказала она, – но я бы посоветовала тебе померить несколько таких же юбок, но чуть длиннее.

Я сразу же надулась.

Но Женя быстро просмотрела юбки разных размеров, выбрала похожую на ту, что нравилась мне, и попросила прикинуть.

Я присмотрелась, это была точно такая же юбка, как и моя. Пожала плечами и пошла в примерочную.

Пока я вертелась перед зеркалом, Женя притащила еще несколько вещей:

– Вот, ради интереса, можешь еще и эти померить, – предложила она.

Я вошла во вкус, померила все, что она мне принесла, и осталась довольна. Но купили мы все-таки ту, первую, я настояла просто из вредности. У нас в школе в том году все девчонки ходили в таких юбках, и мне ужасно хотелось ее!

Женя потихоньку посмеивалась и говорила, что она всегда старалась не походить на других. Она говорила о выборе своего стиля, рассказывала о знаменитых женщинах: Коко Шанель, Марлен Дитрих, Жаклин Кеннеди, Мэрилин Монро... Мир узнал этих женщин благодаря тому, что все они были яркими индивидуальностями, и, помимо таланта, обладали своеобразным вкусом.

– Мир стал одеваться, как они, – сказала Женя, – Коко Шанель первая надела брюки и показала в обществе без корсета. А ведь это – целая революция в моде!

Ага, революция! Ей-то хорошо говорить, а попробуй с моей мамой революцию устроить!

«Не слишком ли яркий цвет у этого платья?», «Ах, эта кофточка чересчур прозрачная, ее нельзя носить без майки!». Прямо, как старушка!

Женя чуть заметно усмехнулась:

– Прежде чем осуждать мать, вспомни, как ее воспитали, – заметила она.

Да, это я помню. Мамина мама – моя вторая бабушка, как-то пришла к нам в гости и увидела свою дочь в лосинах и футболке. Как же она раскричалась! «Как можно! Замужняя женщина! Мать! Немедленно приведи себя в порядок!». Еле ее утихомирили.

– Но ведь ты не такая! – сказала я.

– Все люди разные, – вздохнула Женя.

А я подумала: «если бы моей мамой была моя бабушка, я имею в виду бабушку Лиду, конечно, мне было бы гораздо легче».

Глава 2 В Москву

Бабушка меня всегда выручала. Но в тот раз я все-таки попалась. Сама виновата. Перед самыми каникулами мы вышли из школы всем классом, ребята предложили немного погулять. День был такой теплый, солнечный, не верилось, что скоро зима. И хотя деревья уже совсем облетели, даже палую листву успели убрать с улиц, все равно: закроешь глаза, подставишь лицо солнцу, и кажется, что лето еще не кончилось.

Домой не хотелось ужасно! Я и так никуда не хожу. А тут все наши гурьбой отправились бродить по парку. Было два часа. Я не стала звонить домой.

А потом кто-то предложил покататься на трамвае. И тогда я решила: поеду со всеми, буду гулять, как нормальный человек.

Я выключила телефон. Потому что знала, скоро он начнет трезвонить, не переставая. Будет звонить бабушка и пугать меня мамой, мама тоже будет звонить и истерически кричать в трубку.

Мы катались в трамвае от конечной до конечной. Ребята купили пиво, девчонки пили, и я попробовала. Не понравилось, да еще и пахнет противно. Вообще-то, я не люблю спиртное. Но шампанское, все-таки, вкуснее пива. Шампанское мне наливали дома на праздники.

Домой я вернулась часов в семь вечера.

О! Что там было!

Мама вся в слезах, с телефоном, увидев меня, закричала в трубку: «Вернулась!». Папа с белым лицом, даже бабушка укоризненно качала головой.

– Где ты была!?

Я хотела ответить, что мы просто гуляли с одноклассниками, но мать не дала мне рта раскрыть.

– Где ты была?! Отвечай немедленно! Я уже в милицию звонила!

Она схватила меня за плечи и начала трясти:

– Что? Что такое? – глаза у нее округлились, она принюхалась, как наша Ульянка, и вдруг, ни слова не говоря, вlepила мне пощечину.

– Вика! – одновременно крикнули папа и бабушка.

– Что?!

Она повернулась к ним и победоносно сообщила:

– Она пила!

Я задохнулась, закрыла лицо руками, слезы сами потекли по щекам. Правая щека горела. Папа крякнул:

– Лера, в чем дело?

– Лерочка, скажи родителям! – взмолилась бабушка.

Я замотала головой. Рыдания подступили к горлу, мешая выговорить хоть слово в свое оправдание.

Мама снова кинулась ко мне и обнюхала со всех сторон.

– Что! Что ты делаешь? – беспокоился отец.

– Я проверяю, вдруг она употребляла наркотики, – выдала она.

Бабушка охнула.

– Вика, наркотики невозможно унюхать, ты же не спаниель, – тихо сказал папа.

– А ты не реви! – приказал он мне, – быстро отвечай: где была?!

– Гуляла...

– С кем! – взвизгнула мать.

– С классом...

– Врешь!

– Погодите, погодите, – вмешалась бабушка, – почему вы думаете, что она обманывает?

– Потому что не позвонила! – закричала мать, – она не позвонила и телефон выключила, чтоб мы не могли ее найти! Тебе для чего мобильный купили, а? – снова набросилась она на меня.

– Господи! – запричитала бабушка, – и как же мы раньше детей растили без всяких ваших телефонов!

– Раньше время было другое, – отрезала мама.

Я не сдвинулась с места, ждала, что они еще придумают. Объяснять ничего не хотелось. Обидно было – страшно! Ну да, я виновата, бабушка беспокоилась, я не позвонила, мать всполошилась. Как это так: она уже с работы вернулась, а меня еще нет. Но если бы я позвонила, то не было бы никакой прогулки, и катания на трамвае, и замечательного веселого дня, не было бы нескольких часов свободы. А скандал... Скандал все равно был бы. Уж мама нашла бы повод.

После того как меня осмотрели, обнюхали и проверили, я все-таки смогла раздеться и ускользнуть от них в свою комнату.

Я слышала, как они ругались. Потом мама, по-обыкновению, начала звонить Жене. Дозвонившись, в красках описала мое появление. Говорила она громко, так что я все слышала. Что ей отвечала Женя, я не знаю.

Но на следующий день мама объявила мне: «папа едет в Москву, он отвезет тебя к тете Жене».

Папа отвезет меня в Москву на все каникулы?

Новость была потрясающая. И это после вчерашнего скандала!

Что же такое сказала Женя моей маме?

Папа умчался на вокзал за билетами. Вернулся через час очень довольный. Купил билеты туда и обратно, причем на удобный поезд.

Мама провожала нас, как всегда, истерикой. Сначала надавала множество распоряжений, перерыла все мои вещи, бесконечно инструктировала меня, вплоть до того, что спросила: какую книгу я возьму с собой в поезд. Но я это пережила. Я пережила даже Хемингуэя, засунутого в мою сумку напоследок. Еще бы, впереди целая неделя свободы!

В поезде мы с папой почти не разговаривали. Я забралась на верхнюю полку и смотрела в окно на пробегающие огни. Мы выехали вечером, а прибыли рано утром. Все время в темноте.

Я нервничала. Папа должен был оставить меня у Жени на все каникулы. У меня даже был обратный билет, потому что домой я поеду одна! Первый раз в жизни!

От вокзала мы пошли пешком. Все-таки, это очень удобно, жить почти в центре Москвы.

Женя ждала нас. Светилось окно кухни на первом этаже, рядом с дверью подъезда. Странное окно, в нем не стекло, а целая картина из цветных стеклышек – красные подсолнухи на желтом поле...

Женя жила в запущенной громадной коммунальной квартире на первом этаже старого дома. В нашем городе таких домов почти не осталось, это из-за того, что во время войны все разбомбили. Нам на истории рассказывали. Бабушка тоже помнила то время, когда люди жили в настоящих развалинах, но продолжали работать на заводах, вернувшихся из эвакуации, а в выходные выходили на расчистку завалов, помогали строителям. Город буквально поднимали из руин.

Конечно, я никаких руин не видела, их давным-давно ликвидировали. Правда, бабушка как-то показывала мне заросший дикой травой пустырь с почерневшим остовом здания.

Крыши у него не было, вместо нее – покореженная металлическая конструкция. Бабушка объяснила, что до войны здесь были заводские корпуса. После войны все оказалось завалено битым кирпичом и всяким мусором, так что завод отстроили чуть дальше, завалы разобрали, а здание решили оставить, хотели что-то типа парка здесь разбить. Но то ли руки не дошли, то ли еще что, не знаю, и бабушка не знала тоже.

А еще я видела деревянную церковь, с куполом, разрушенным авиационной бомбой. Какие-то знакомые родителей снимали дачу в пригороде, пригласили нас в гости. Церковь стояла недалеко от их дома. Маленькая, из красного кирпича, с одним куполом, вся в строительных лесах. Вокруг не было никаких построек, даже ограды не оказалось. Аккуратные штабели досок, да под навесом кирпич и мешки с цементом.

У входа стояли нарядные люди, бегали дети. Нам объяснили, что сегодня праздник, поэтому в церкви проходит служба. Родители сразу же захотели посмотреть поближе, вот мы и отправились на экскурсию.

Я поднялась по бетонным ступеням к входу, заглянула внутрь, увидела множество маленьких огоньков, догадалась, что это горят свечи. Сразу за дверью – притвор. Он сохранился почти полностью. Я даже рассмотрела фрески на стенах. А дальше были просто сброшены вниз деревянные сходы, а пола в церкви не было. Люди стояли на земле и слушали священника.

Я спустилась вниз, встала так, чтоб никому не мешать, и задрала голову. Прямо надо мной зиял провал в куполе, а в нем, непонятно как, ухитрилась вырасти березка. Она словно пыталась прикрыть, срастить тонкими веточками рваную рану.

Я потом слышала, что бомба упала на купол, но не взорвалась, а провалилась вниз, ее обезвредили уже после войны. А церковь все стояла, ветшала и ждала своего часа.

И дождалась.

В Москве разрушений было меньше, поэтому и старинные дома сохранились. Такие, как тот, в котором жила Женя.

Мы бывали у нее и раньше. Обычно заходили ненадолго, чтоб поведать, и все, а останавливались у других родственников.

Хотя, когда папа ездил в Москву один, то жил у Жени. Может, потому что нас троих там просто негде было разместить, не знаю.

В квартире три комнаты. Одна Женина. Две другие – ее соседки Татьяны. Женя говорила, что соседка – галеристка. То есть у нее есть галерея, где выставлены работы разных художников. Но не картины, а изделия из керамики, папье-маше, стекла, металла и так далее.

Женя работает в какой-то фирме, занимается дизайном подарков. Но вообще-то она тоже художник. Но, как она говорит: «одним искусством сыт не будешь».

Папа сдал меня с рук на руки, предупредил, что мама будет звонить. На что Женя, усмехнувшись, сообщила: «уже звонила».

Потом она усадила нас пить чай, но не успела я глотка сделать, как зазвонил папин телефон.

Конечно, это снова мама. Они долго говорили, папа обстоятельно рассказывал, как мы добрались, и что все у нас нормально, и Женя дома – все в таком духе.

После завтрака папа заторопился, у него было много дел. Он передал Жене конверт с деньгами для меня. Мама хотела, чтоб мы купили кое-какие вещи. Потом он распрощался и ушел.

Я не знала, что мне делать, поэтому так и сидела на кухне, сложив руки на коленях и разглядывая стеклянные подсолнухи, они переливались искорками света от кухонной лампы.

Женя, по-моему, тоже не знала, что со мной делать.

– Может быть, переоденешься? Примешь ванну с дороги? – предложила она.

– Да, если можно...

Снова требовательно зазвонил телефон. На этот раз неугомонная мама интересовалась, какие у нас планы на сегодняшний день. Женя сказала, что должна сбежать на работу, а потом... Она не договорила. Мама что-то начала доказывать. И я поняла, что она пришла в ужас от того, что я останусь дома одна на несколько часов. Женя терпеливо выслушала ее, потом коротко ответила:

– Хорошо, она пойдет со мной.

После чего она быстренько закончила разговор. Я видела, как Женя напряглась, но продолжала молча сидеть на месте, ожидая решения взрослых. Зачем лишний раз вмешиваться?

– Пойдешь со мной на работу? – спросила Женя.

– Да, – покорно кивнула я.

– Если не хочешь, можешь остаться дома, я ненадолго, – сказала она.

– Нет, я пойду с тобой.

Не капризничать! Ни в коем случае! А то еще доложит маме, что я отказалась и осталась дома. Нет уж. Не дождетесь...

– Ну что ж, тогда давай собирайся, – сказала Женя и почему-то вздохнула. Может, испугалась, что я помешаю ей?

А потом достала из кошелька деньги:

– Вот, возьми...

– Зачем? – я даже испугалась.

– Как это – зачем? – Женя уставилась на меня недоуменно, – у тебя же должны быть карманные деньги. Воды купить, мороженого... Да, мало ли... Ты что, всякий раз будешь ко мне обращаться?

Я робко взяла. Потихоньку пересчитала, там оказалось четыреста рублей! У меня никогда не было столько денег! У меня вообще не было карманных денег! Я лихорадочно затолкала их в сумочку, воображение рисовало соблазнительные картинки. О! На такие деньги я смогу купить себе... Даже и не знаю, совсем растерялась. Но настроение у меня сразу же стало прекрасным! Я поглядывала на Женю с удовольствием. Конечно, она взрослая тетенька, сестра моего отца, значит, надо ее опасаться. Но в то же время она ни разу не накричала на меня. И вообще, вела себя приемлемо...

Мы немного проехали на метро. Женя объясняла мне, как оно устроено, как находить нужные станции и линии. Она говорила, что в метро невозможно заблудиться. Все везде написано. Я не понимала, зачем она мне все это объясняет, но Женя, заметив мое недоумение, сказала:

– Ты должна знать такие вещи. Не маленькая. Вдруг придется поехать куда-нибудь одной?

Я наострила уши: как это – одной? Мне же велели ни на минуту не отходить от нее. Но я промолчала. Было немного жутко от мысли, что я куда-то смогу пойти одна. И в то же время эта мысль так заманчиво привлекала, сулила какие-то неведомые возможности, от нее сладко замирало внутри. Я бы никогда не призналась Жене в том, что со мной происходит. Она вела себя непривычно. Не так, как должна вести себя взрослая тетя. С этим еще надо разобраться и понять. Разве мама не давала ей насчет меня разных указаний? Может быть, она забыла или недопоняла? В любом случае, я ей напоминать не стану. Пусть сама думает. А я привыкла слушаться взрослых. Вот и буду слушаться тетю Женю...

Фирма, в которой она работала, занимала целый этаж большого углового дома. Мы поднялись по лестнице, потому что лифт не работал из-за ремонта.

Я все время крутила головой, чтоб все получше рассмотреть. На этаже было несколько помещений, сновали какие-то люди с коробками, рулонами бумаги или просто с пустыми руками. В одной комнате сидела женщина за компьютером. Она весело поздоровалась с

нами, и Женя потащила меня дальше. Мы вошли в другую комнату, заваленную всяким хламом, как мне сначала показалось, а потом выяснилось, что это вовсе не хлам, а оберточная бумага, всякие ленточки, пакетики, упаковка, одни словом. Три девушки возились у больших столов: резали, заворачивали, завязывали.

– Хочешь помочь немного? – спросила Женя.

Я кивнула, хотя и не знала, чем я могу помочь. Ведь все это – работа для взрослых. Оказалось, что мне вполне под силу эта самая работа. Девушки придвинули ко мне грудку разноцветных лент и показали, как их надо завязывать. Все просто. Они заворачивали коробки в красивую бумагу, а я завязывала ленточки. Женя куда-то вышла. Пока ее не было, мы разговаривали с девушками, я показала им несколько разных способов упаковки. Я когда-то интересовалась оригами. Мы с папой даже в музее были и на выставки ходили. Я столько всего умею делать с бумагой! Руки сами вспомнили, а девушкам понравилось. Я и не заметила, как прошло время. Когда вернулась Женя, мы уже сдружились и весело болтали.

– Ой, Женечка, какая же Лера умница! – похвалили меня девушки. Женя улыбнулась, а я покраснела. До чего же приятно!

Мне даже уходить не хотелось. Так бы и осталась здесь с этими веселыми девушками. Не такие уж они и взрослые: студентки, всего-то лет на пять старше меня.

Но у Жени было еще много дел сегодня. С работы мы направились в галерею к Татьяне. Утром мы не успели увидеться. Когда приехали, Татьяна еще спала. Теперь нам предстояло познакомиться с ней поближе. Я еще никогда не была знакома с владелицами галерей и поэтому немного ее побаивалась. Татьяну я видела лишь мельком. Это была высокая худая рыжеволосая женщина. Она одевалась в какие-то немыслимые балахоны с вышивками, кистями и бисером. Когда я увидела ее впервые, она показалась мне нереальной. Какой-то отстраненной.

Но не в этот раз. Едва мы вошли в небольшое помещение, сплошь заставленное стеллажами и витринами, как Татьяна, возникнув внезапно, обрушилась на нас с бесконечным потоком слов, половины из которых я не понимала.

Одно до меня дошло: Татьяна нам обрадовалась, потому что нуждалась в помощи. Женя подтолкнула меня вперед:

– Вот тебе помощница, а мне надо еще забежать в одно место.

Татьяна с сомнением оглядела меня, особенно обратив внимание на красный маникюр. Я спрятала руки за спину.

– Я представляла тебя несколько иначе, – загадочно сообщила галеристка. Я тоже ее иначе себе представляла. Вместо вышитого балахона или шали с кистями, Татьяна была одета очень просто: брючки и простенькая кофточка, волосы небрежно заколоты на затылке, на ногах разношенные кроссовки.

– Мы готовимся к выставке, – сказала она, – совсем зашиваемся! Можешь помочь?

– Конечно, – кивнула я.

Татьяна сразу же потащила меня в другую комнату, там стояли ящики с цветами. Их надо было разобрать, составить букеты и эти букеты расставить в галерее. Ничего сложного. Я присела на корточки возле первого ящика и стала аккуратно извлекать из него цветочные кустики.

– Э, да ты, я вижу, вполне справишься, – обрадовалась Татьяна и сразу же исчезла. Конечно, я справилась. Дело-то привычное. У нас весь балкон усажен цветами. Мы с папой вырастили несколько карликовых сосен. По-японски карликовое деревце называется – бонсай. Я знаю названия разных цветов, умею составлять букеты. Научилась этому еще в те времена, когда интересовалась оригами.

Я быстренько справилась с пересаживанием цветов из ящиков в специальные напольные вазы. Сломанные головки аккуратно приделывала к стебелькам при помощи былинки.

Так что когда Татьяна появилась в комнате и оглядела результаты моего труда, она осталась очень довольна.

– Надо же, совсем нет мусора! – восхитилась она.

Тогда я показала ей, как восстанавливала сломанные цветы.

– Ты умница, девочка! – Татьяна посмотрела на меня с уважением.

Потом мы украшали галерею. Я помогала расставлять вазоны, украшала витрины, двигала всякие керамические фигурки.

Мы провозились до вечера. Женя, когда вернулась, тоже помогала нам. Так что мы полностью подготовились к выставке.

Татьянина галерея не совсем обычная. В моем представлении «художественная галерея», – это что-то большое, монументальное и торжественное, как Третьяковка, куда водили меня родители: «у девочки должен быть художественный вкус».

Татьянина галерея была совсем другой. Вместо эпических полотен в золоченых рамах, полупустых залов с чопорными старушками по углам и табличками «руками не трогать» – маленькое узкое помещение с металлическими лестницами, ведущими на второй уровень, сплошь заставленное стеллажами. А на них такие милые смешные глиняные зверушки: собачки, коты, лягушки, птицы. Были и удивительной формы вазы и светильники из папье-маше; витражи из цветных стеклышек, наподобие того, в кухонном окне Жениной квартиры. На полках и столиках сидели и стояли куклы, фарфоровые, глиняные и тряпичные, под потолком летали большие и маленькие ангелы с белыми крыльями... На стенах висели куски кожи с рисунками, напоминающими детские. Татьяна объяснила, что так делается специально, прием называется стилизацией.

А еще оказалось, что вся мебель в галерее кованая: стулья, стеллажи, лестницы, столики. Были даже металлические розы, они стояли большим букетом в напольной кованой вазе. А Женя сказала, что такая мешанина стилей, как у Татьяны в галерее, называется фриковостью, или фриком: соединение несоединимого, роскошь и кич, примитив и абсурд. Как если бы рядом поместили картину известного художника и рекламную листовку, выдранную из журнала. Или на персидский ковер повесили сиденье для унитаза. Я потихоньку хихикнула, представив, как бы это выглядело. На что Женя тут же предложила показать мне интерьер Московского клуба, где на самом деле использована унитазная тема. Наверное, она ждала вопросов, но я их не задавала. Какое мне дело до унитазных крышек на стенах?

Больше всего мне понравились керамические свистульки. Татьяна называла их окаринами.

Она сыграла на такой свистульке чудесную мелодию. Мне тоже захотелось попробовать. Свистулька была сделана в виде кота с дырочками на боку. Дуть надо было в хвост, зажимая попеременно пальцами боковые отверстия.

Я старалась изо всех сил, и у меня получилось! Я же когда-то занималась флейтой, правда, недолго. У меня совершенно не оказалось музыкального слуха.

Татьяна рассмеялась и подарила мне кота.

– Вот что, девонька, а отвезу-ка я тебя во Владимир. К тем самым художникам, что делают этих поющих котов, – предложила Татьяна.

Я посмотрела на Женю.

– А что, – согласилась она, – хорошая идея!

– Договорились, поедем сразу после выставки! – и Татьяна весело подмигнула мне. А потом предложила:

– Ну что, девочки, обмоем это дело? Мы славно поработали и славно отдохнем. Предлагаю пойти куда-нибудь и выпить кофе.

Женя сразу согласилась. А мне что было делать? Я согласилась тоже.

Женя часто употребляет слово «пафосное»: пафосное место, пафосное кафе, выставка... Даже квартира у них с Татьяной пафосная.

На этот раз она так назвала кофейню. Я не знаю, чем отличается обычная кофейня от пафосной. У нас в городе тоже есть всякие кафешки и рестораны. Но я в них никогда не была, если не считать нескольких походов в Макдоналдс. Да и то втихаря от мамы. Она противница фаст фуда.

Судя по всему, Женя и Татьяна к кафешкам относились вполне положительно. Например, сегодня в течение дня еду нам приносили именно из близлежащих кафе. О, если бы видела мама!

И вот мы направились во французскую кофейню. Она называлась «Парижская жизнь».

Мы зашли, заняли маленький столик. Уютно, людей не много. На столике скатерть беленькая, мы сидели на стульчиках с гнутыми спинками и ножками. К кофе нам принесли по стакану холодной воды. И еще пирожные были очень вкусные.

Женя и Татьяна щебетали, то и дело обращались ко мне, спрашивали, нравится ли мне здесь. Мне нравилось. Только сравнивать было все равно не с чем. Раз они говорили, что это круто, значит – круто, я им на слово верила.

Женя шутила. Спрашивала, сколько раз я сегодня говорила с мамой. Я пожала плечами: «не помню, много...». Мама звонила нам обеим, примерно раз в час. Я привычная, а у Жени оказалось просто ангельское терпение. Папа тоже звонил, но он ограничился одним разговором, убедился, что у нас все нормально, и больше не доставал.

Маму же интересовало все. Она добивалась от Жени «культурной программы». Женя отшучивалась. На настойчивые мамины указания непременно посещать музеи она почти не реагировала. Зато она отчитывалась в каждом моем шаге и постоянно хвалила меня.

Татьяна старательно не реагировала на эти звонки, хотя по ее лицу было видно – недовольна.

Покончив с кофе, мы вышли на вечернюю улицу и направились пешком к дому. «Хоть посмотришь на вечернюю Москву. Это так романтично!» – сказала Женя.

По дороге они рассказывали мне, как летом они катались на велосипедах по набережным Москвы-реки. А Татьяна, оказывается, была в Финляндии, Польше, Дании, Индии, Турции... Где она только ни была!

Все это меня безумно интересовало. Хотелось задавать вопросы, но я стеснялась. Все больше помалкивала, смотрела под ноги, да изредка поддакивала.

Они решили, что я устала. На самом деле, я, конечно, устала. Но мне еще хотелось гулять по городу. Когда еще удастся?

Дома нас ждали. Оказалось, приехал старый друг Татьяны, у него есть свой ключ от квартиры. Так что окно на кухне светило, а Татьяна даже не удивилась. Друг был не один, с ним пришел еще какой-то мужчина. Он драматург. То есть самый настоящий драматург, человек, который пишет пьесы для театра. А друг Татьяны – художник и сказочник. Они пока нас поджидали, приготовили ужин. И хотя есть мне уже не хотелось, я все-таки присела со всеми на кухню, потому что никогда раньше не видела драматургов и сказочников.

Дядя Саша, который потребовал называть себя Сашей, рассказал мне смешную сказку о том, как один дед случайно изобрел валенки. Зимой замерз и стал в свои лапти шерсть подкладывать. Шерсть свалялась, вот и получились валенки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.